

ОБЩЕСТВЕННАЯ
МЫСЛЬ РОССИИ
с древнейших времен
до середины XIX века

том 4

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
О-28

Авторский коллектив:
Антоненко Н.В. (гл. 6, 9)
Антоненко С.Г. (гл. 1)
Березовая Л.Г. (гл. 3, 8, 11)
Вострикова В.В. (гл. 2)
Журавлев В.В. (Введение, гл. 5, Заключение)
Маслов Д.В. (гл. 7, 10)
Соловьев К.А. (гл. 4)
Филиппова Т.А. (гл. 1)

Общественная мысль России : с древнейших времен до середины
О-28 **XX в.** : в 4 т. – М. : Политическая энциклопедия, 2020. – Т. 4 : Обще-
ственная мысль Русского зарубежья / отв. ред. В.В. Журавлев. – 567 с.

ISBN 978-5-8243-2396-2

ISBN 978-5-8243-2404-4 (т. 4)

В четырехтомной монографии представлена история развития общественной мысли в России с древнейших времен до середины XX в. Эта работа стала итогом многолетних исследований большого научного коллектива, чьими усилиями был подготовлен целый ряд уникальных энциклопедий (общественной мысли, либерализма, консерватизма, социализма, общественной мысли Русского зарубежья), посвященных интеллектуальным процессам в России, а также опубликовано многотомное собрание памятников отечественной общественной мысли. В представленном издании история общественной мысли рассматривается как процесс становления категориального языка эпохи, ее ключевых понятий. Вокруг них выстроен текст каждого тома.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2396-2
ISBN 978-5-8243-2404-4 (т. 4)

© Журавлев В.В., введение, заключение, 2020
© Коллектив авторов, 2020
© Политическая энциклопедия, 2020

Оглавление

Введение	6
Глава 1. Интеллектуальный потенциал Русского зарубежья: объективные и субъективные предпосылки, условия становления и эволюции	13
Глава 2. Историческое предназначение России в оценках мыслителей Русского зарубежья	46
Глава 3. Русская ментальность и духовность	98
Глава 4. Народ и власть. Личность – государство – общество	157
Глава 5. Революции и реформы в истории России как социальные явления	198
Глава 6. Великая российская революция 1917 года: реалии и последствия	219
Глава 7. Религия и церковь: осмысление их роли в становлении и эволюции российского социума Русским зарубежьем	251
Глава 8. Россия и Запад	322
Глава 9. Самодержавие, большевистская власть и советский строй	362
Глава 10. СССР и его роль в борьбе с фашизмом как проблема общественной мысли Русского зарубежья	399
Глава 11. Будущее России. Пути ее возрождения	466
Заключение. Человек и История: диалектика взаимодействия (некоторые итоговые суждения)	545
Сведения об авторах	567

Глава 1

Интеллектуальный потенциал Русского зарубежья: объективные и субъективные предпосылки, условия становления и эволюции

1.1. Истоки и предпосылки формирования Русского зарубежья: демографический, личностный, духовный аспекты

Русское зарубежье... Хотя на первом месте в этом понятии стоит этническое определение, мы имеем дело с явлением общечеловеческого, планетарного порядка. Российская эмиграция создала особый тип диаспорной культуры, не только сохранивший многие черты жизненного уклада и культурного пространства до-революционной России, но и обогащенный контактами с народами иных стран. Она ставила и решала интеллектуальные и духовные задачи общецивилизационного уровня, мысля при этом универсально, а не в меру лишь национально-культурных свойств или целей.

Всемирно-историческое значение Русского зарубежья обусловлено различными историческими обстоятельствами. Среди них есть объективные причины политического, географического и социально-демографического порядка. Их можно «вычислить», просчитать. Но немалую, а быть может, и решающую (!) роль играют такие сложно поддающиеся математическому анализу факторы, как высокий уровень самосознания, ощущение призвания и ответственности, жертвенность, готовность к исполнению *миссии*, т. е. набор исключительных ценностных характеристик и этических ориентиров.

Говоря об интеллектуальном потенциале русской эмиграции, следует, в первую очередь, отметить такие моменты, как относительно высокий общий уровень образованности среди русских беженцев; их способность и желание учиться (не всегда, впрочем, подкрепленные финансовыми возможностями), осваивать зарубежные исследовательские методики и познавательные стратегии, сохраняя при этом собственную культурную и духовную идентичность, приобщавшую российских изгнанников к мировому интеллектуальному пространству, а не изолировавшую их от него.

Нельзя не увидеть и то, что именно русская литература, с ее богатством тем, глубиной постановки проблем и их раскрытия, придала Русскому зарубежью уникальный характер, наглядным выражением которого стало то, что она подарила миру сразу нескольких нобелевских лауреатов разных эпох эмиграции (Иван Бунин, Александр Солженицын, Иосиф Бродский).

Обобщая, можно так описать ключевую особенность эмигрантского интеллектуального дискурса: русские, волею истории оказавшиеся за границей, осознавали одновременно свою цивилизационную близость окружающему их западному миру¹, равно как и свою «инаковость» по отношению к нему. Подобная двойственность весьма травматична в личностном плане, и русская эмигрантская литература полна текстами, передающими это драматическое состояние². Поразному, но с одинаково высокой мерой исповедального лирического трагизма о нем писали Борис Зайцев, Иван Шмелев, Михаил Осоргин, Гайто Газданов, Владимир Набоков (Сирин) и многие другие...

В то же время указанная дихотомия побуждала к развитию диалога с европейским (= американским, австралийским) миром, к освоению и усвоению языка смыслов новоевропейской ойкумены. Запад был в чем-то знаком, узнаваем, но подчас воспринимался глубоко чуждым, «сбившимся с пути», «изменившим своему призванию». И у многих эмигрантов первой волны, травмированных опытом «великой смуты» на родине, возникало желание «исправить» его... Отсюда – критический и профетический пафос многих произведений, созданных в эмиграции русскими мыслителями. Отсюда же – по-

¹ Говоря обобщенно о «Западе», следует, конечно, иметь в виду его цивилизационно-культурную неоднородность, более явную в 1920–1950-е гг., чем сегодня. Заметим также, что русская эмиграция жила и плодотворно работала и в странах Востока. Но там беженцы из России чаще всего или вписывались в западные культурные анклавы, существовавшие преимущественно в столицах и крупных городах (Иран, Турция), или же стремились создать свой обособленный, автономный не только в культурном, но даже в политическом отношении мир (Харбин). Примеры интеллектуального и духовного освоения восточных культурных кодов редки. Наиболее ярким из них является жизнь и деятельность семьи Н.К. Рериха, имевшей, кстати, многочисленных корреспондентов-единомышленников в 1920–1940-е гг. по всему «Русскому миру».

² В октябре 1939 г. Нина Берберова записала в своей «Черной тетради» примечательное наблюдение, касающееся осознания глубинных истоков трагичности восприятия русскими интеллектуалами самих себя и своей миссии, трагичности порожденной еще предреволюционными предчувствиями: «Русский ренессанс конца XIX – начала XX века отличается от “обыкновенных ренессансов” тем, что он сознавал свою обреченность. Это был ренессанс в предчувствии собственной гибели. Возрождение и смерть. Начало и конец в один и тот же период русской культурной истории. Одно из оригинальных русских явлений» (Берберова Н. Курсив мой. Автобиография. М.: АСТ, 2015. С. 113).

литический радикализм и даже экстремизм (скорее, по настроению, чем по сути), столь обыденные в среде Русского зарубежья. Впрочем, даже вполне умеренные деятели признавали особый характер «миссии русской эмиграции»¹. От осознания *миссии* прямая дорога вела к *мессианским* настроениям и прожекткам...

Гармонизирующим фактором могла стать (и становилась) созидательная интеллектуальная работа с ориентацией не на узко эмигрантские, а на общечеловеческие цели, на задачи, множющиеся перед мировой наукой и культурой в XX в. Но для того чтобы включиться на равных в научную, культурную, художественную жизнь Европы или Нового Света, требовалось немалое интеллектуальное усилие. Не все талантливые люди, реализовавшие себя в зарубежье, оказались способными на это без ущерба для собственной «русскости».

В каком-то смысле легче было гуманитариям, таким как византист сэр Дмитрий Оболенский, русист Георгий Вернадский, философ и социолог Питирим Сорокин, историк античности Михаил Ростовцев, круг «русских белградцев», создавших в Югославии, в рамках работы Русского научного института, комплексное направление изучения русистики, славяноведения и византистики. Они, каждый в своей области, активно соприкасались с российским материалом, использовали в своих написанных по западным академическим канонам работах идейный потенциал, накопленный российской историей и русской православной мыслью.

Плеяда блестящих русских религиозных философов, создавших особый дискурс историософских и теологических размышлений о судьбах России и мира, дала образец вполне оригинального, междисциплинарного по форме и органического по сути способа формирования нового познавательного пространства, во всей его нелинейности и творческой противоречивости, свойственной «веку войн и революций».

Однако не только гуманитарии, но и, к примеру, химик Владимир Ипатьев, инженер-электронщик Владимир Зворыкин, авиаконструктор Игорь Сикорский, генетик Николай Тимофеев-Ресовский оставались людьми, глубоко связанными с русской культурной традицией.

Сегодня русские относятся к числу крупнейших «диаспорных народов» мира². По данным МИД России, распространенным в 2005 г.,

¹ Название речи-лекции Ивана Бунина (1924) и публицистического исследования Михаила Назарова (1992).

² Отдельный, сложный вопрос – как соотносить с Русским зарубежьем диаспоры иных народов Российской Федерации, а также народов, входивших в состав Российской империи или СССР (например, адыгов, украинцев, армян)? Очевидно, в контек-

в связи с учреждением в министерстве нового Департамента по работе с соотечественниками за рубежом численность российской диаспоры в начале XXI в. превысила 25 млн человек (из которых 16–17 млн проживают в странах СНГ)¹. По некоторым оценкам, русские, живущие в Рассеянии, представляют собой третью по численности мировую диаспорную общину, уступая в этом отношении только китайцам и выходцам из Индии (численность диаспор – 50 млн и 25 млн человек соответственно) и опережая поляков (21 млн), украинцев (12 млн), армян (около 10 млн).

Однако так было не всегда. Известный исследователь О.В. Курило пишет, что «до Октябрьской революции русские проживали почти исключительно на территории Русского государства (с XVIII века – Российской империи)»². Несколько забегаая вперед, отметим: отсутствие диаспорного опыта добавляло драматизма и в без того непростые сценарии адаптации к новым условиям русских эмигрантов XX в. Беженцы после Гражданской и Второй мировой войн столкнулись с необходимостью крайне быстро, без опоры на сложившиеся ранее национальные общины, осваивать навыки проживания в инокультурном и иноязычном окружении...

Между тем, на протяжении нескольких столетий (XVI – первая половина XIX в.) «зарубежными русскими» были в основном беглецы и «невозвращенцы», расстававшиеся с родной землей по политическим и религиозным мотивам. Говорить о сколько-нибудь массовой эмиграции в этот период не приходится (за отдельными исключениями, к которым мы обратимся чуть ниже). Зато список сознательно покинувших Россию включает несколько действительно ярких имен, оставивших свой след в истории отечественной мысли и до известной степени задавших на будущее определенный «код» интеллектуально-го присутствия русских изгнанников за рубежом.

сте Русского зарубежья могут рассматриваться (но не отождествляться с ним полностью) те национальные общины, которые осознают связь с исторической Россией как позитивный факт.

¹ Демоскоп Weekly (Электронная версия бюллетеня «Население и общество», Центр демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН). № 221–222. 7–20 ноября 2005 г. (рубрика «На просторах России»). Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2005/0221/rossia01.php#1> (Дата обращения: 16.12.2017).

² Курило О.В. Диаспоры российские за рубежом // Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь. М.: Республика, 2001. С. 52.

1.2. У истоков эмигрантской традиции: беглецы, изгнанники, предтечи...

Исследователями давно подмечено, что стратегии реагирования на идейно-нравственные вызовы, с которыми сталкивалась эмиграция XX в., были так или иначе апробированы русскими беглецами предшествовавших столетий. «Унаследованы» эмигрантами первой, второй и третьей волн оказались и темы размышлений. Именно эти обстоятельства заставляют нас предпринять небольшой, но функциональный экскурс в предшествующие эпохи, опыт каковых отложился в культурно-исторической памяти россиян и повлиял на восприятие русскими эмигрантами самих себя и целей (а не только причин) своего пребывания за рубежом.

Особо притягательными оставались вопросы осмысления историсофии России и ее проблем. Протестный потенциал зачастую был довольно велик, но по своей интенции чаще всего не разрушителен, а созидателен. Авторы-изгнанники – от Андрея Курбского до Александра Солженицына – предпринимали попытки отделить в образе России «светлое» от «темного»; вычленив «подлинное», отвергнув «искусственное», «наносное», «насильственно навязанное (извне)»; просчитывали возможность исторической альтернативы... Повторялись и списки «грехов» российской власти и русского народа. Пути же традиционной миссии «спасения России» мыслились очень разными, притом что большинство эмигрантских авторов во все века были убеждены в значимости и авторитетности своего слова для русского народа и его вождей, причем не принципиально – царей или генсеков. В этом, конечно, проявилась одна из «родовых» черт интеллектуальной культуры Русского мира – выраженный *мессианизм*.

Вспомним нескольких «предтеч Русского зарубежья». Обращение к этим историческим персонажам, предвосхитившим многие темы эмигрантской интеллектуальной рефлексии в будущем, требуют от нас не столько академизм работы, сколько задачи выяснения архетипических черт интеллектуального и духовного облика Русского зарубежья в XX в., облика, во многом унаследованного на «генетическом» уровне от своих предшественников.

«Первым русским диссидентом» нередко называют князя Андрея Курбского (1528–1583) – одного из крупных политических деятелей и полководцев раннего периода царствования Иоанна Грозного, человека, пользовавшегося доверием и дружеским расположением царя. В 1564 г. князь изменяет своему государю, бежит в пределы Речи Посполитой (тогдашнего противника России), где обретает покрови-

тельство польского короля. Сам побег военачальника и царедворца может рассматриваться как знаковый жест, символический момент, много раз повторявшийся в истории. Курбский в своих многочисленных произведениях ничего прямо не говорит о причинах перехода на сторону противников России, но дает понять, что его поступок был продиктован как идейными соображениями – неприятием тиранства Иоанна IV, так и опасением за свою собственную жизнь в обстановке кровавого террора.

В то же время историки отмечают, что измена Курбского имела свою историю: его контакты с противником начались как минимум за несколько месяцев до оставления русских земель. Вельможный эмигрант получил во владение город Ковель с замком и окрестными землями, обширные поместья в Литве и на Волыни. Но Курбского не привлекала жизнь обычного богатого магната на службе короля (а его служба заключалась в том числе и в участии в походах против русских). В изгнании (он говорил о себе именно как о «несправедливо изгнанном», «совсем смирившимся в изгнании») Курбский реализовался как мыслитель и публицист. Всемирную известность обрела его переписка с Иоанном Грозным – хрестоматийный пример столкновения двух политических проектов, двух идеологий и, если угодно, политических культур (московский государь отстаивает божественный источник «самодержавства», Курбский обозначает его деспотическо-языческие корни).

Однако эпистолярной полемикой с царем наследие «первого диссидента» не ограничивается. Историки культуры отмечают, что «Курбский имеет непосредственное отношение к развитию собственно философской мысли в XVI в. ... будучи в эмиграции, князь серьезно занялся философией Аристотеля и Иоанна Дамаскина. Вместе со своим окружением... он переводит труды Дамаскина, пишет ряд натурфилософских сочинений, в том числе “О знамениях небесных”. Ему же принадлежат 4 произведения, которые позволяют говорить об их авторе как первом русском ученом в области логики...»¹

Разумеется, писал князь и политические трактаты, самым известным из которых является «История о великом князе Московском» (Курбский не признавал за русским монархом царского титула). В этом сочинении явственно ощущается тот либеральный вектор, который в XIX–XX вв. во многом определит интеллектуальный климат Русского зарубежья. В своем демократизме, впрочем, исключительно

¹ Громов М.Н., Козлов Н.С. Русская философская мысль X–XVII веков. М.: Изд-во МГУ, 1990. С. 177.

теоретическом, условном, Курбский делает шаг влево даже от сословно-представительной монархии: царь должен править государством «не токмо по совету всех синглитов, но и всенародне», «искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и у всенародных человек». Любопытно отметить, подобный политико-культурный ориентир князя-беглеца, лишь укрепившийся в его мировоззрении в условиях зарубежья, наглядно опровергает устоявшуюся в ряде работ западных историков концепцию изначальной монологичности, закрытости, «молчаливости» интеллектуальной традиции в России – свойств, якобы транслировавшихся на уровне «генного кода» из века в век и из поколения в поколение отечественных мыслителей¹.

Нельзя не отметить еще одну важную архетипическую черту: находясь в непримиримой оппозиции к русской власти и государственной идеологии тогдашней России, Курбский оставался верным сыном Православной Церкви, радел о православном просвещении, трудился над переводами произведений патристики и комментариями к ним. Однако уже сын его Дмитрий перешел в католичество...

Вспомним, что Курбский является, пожалуй, самым знаменитым, но далеко не единственным русским беглецом своей эпохи. В 1554 г. в Литве укрылся еретик Феодосий Косой (его антиклерикальные идеи были созвучны духу европейской Реформации). В Литву же, на белорусские земли, бежал в 1550-х гг. несправедливо (повидимому) обвиненный в ереси Артемий Троицкий – представитель радикального крыла движения нестяжателей, православный критик протестантизма.

Еще один известный перебежчик эпохи Московской Руси – Григорий Котошихин (1630-е – 1667). Способный дипломат, служащий Посольского приказа, он в 1664 или 1665 г. бежал из Смоленска в Речь Посполитую. Причиной побега, как считают историки, были проблемы личного и служебного характера. После скитаний по Европе Котошихин осел в Швеции (конфиденциальную информацию представителям этой державы он поставлял еще во время службы в Москве). Здесь по заказу королевского правительства беглый российский дипломат написал масштабную аналитическую работу, которая получила у историков название «Записка о России в царствование Алексея Михайловича» (была введена в научный оборот в конце 1830-х гг.). В этой книге немало важных данных и метких наблюдений. Как и многие последующие представители Русско-

¹ См.: Russian political folkways // Russian Review. 1986. Vol. 45. No. 2. P. 115–181; «The Silent Muscovy». The Roots of Russian Traditional Political Culture». Russian Review. 1987. Vol. 46. № 2. P. 96–160.

го зарубежья, Котошихин обогатил мир ценными свидетельствами о России, которые не могли бы – в силу политических и цензурных причин – появиться в самом Московском государстве. Правда, заказчиком его работа требовалась для утилитарной цели: шведам необходимо было лучше знать своего соседа и вероятного противника... Конец Котошихина был бесславен: за совершенное в пьяном виде убийство своего домовладельца он был приговорен к смертной казни. Тело казненного отдали медикам Упсальского университета для препарирования; скелет эмигранта долгие годы хранился в Упсале как наглядное пособие.

В XIX в. несколько русских аристократов избрали трудный хлеб эмиграции по соображениям, которые можно определить как политико-религиозные. В Российской империи законодательно были закреплены прерогативы православной Церкви как носительницы господствующего исповедания, а переход в иные конфессии карался вплоть до 1905 г. в уголовном порядке. Политическое и религиозное свободомыслие в кругах российской элиты нередко шли рука об руку. Для формирования филокатолических настроений, ставших вариантом русского западничества, немало дало творчество Петра Чаадаева (1794–1856).

Вполне самостоятельно к подобным идеям пришел князь Дмитрий Голицын (1770–1840). Воспитанник католической гимназии в Мюнстере, он уже в семнадцатилетнем возрасте, не без влияния своей матери-немки, объявил о желании принять католичество. Во время путешествия по Америке у молодого человека созрело желание стать католическим священником. После окончания Балтиморской семинарии Святой Марии русский князь был рукоположен с именем Августина Смита; служил в основанном им же (!) городке Лоретто в Пенсильвании. (Название своему детищу Голицын-Смит дал по имени итальянского города, известного своими католическими святынями.) Вдохновенные проповеди патера Августина вскоре обрели известность в округе Аллегейни. В 1800 г., после отказа вернуться в Россию и поступить на службу в полк, князь-священник был лишен российского подданства, став формально эмигрантом. Вскоре он приобрел гражданство Соединенных Штатов. Глубокая католическая вера не мешала ему с симпатией относиться к России, искренне радоваться победе над Наполеоном и высоко оценивать личность императора Александра I. Важным для князя моментом было утверждение за ним Генеральной Ассамблеи штата Пенсильвания имени Demetrius Augustine Gallitzin, в котором соединились его природное и католическое имена. В настоящее время местной католической об-

щиной инициирован процесс причисления к лику святых «Апостола Аллегейни».

В когорте русских католиков, обосновавшихся в Европе, известна также княгиня Зинаида Волконская (1789–1862) – известная благотворительница и меценатка, сделавшая свою римскую виллу средоточием культурной жизни Вечного города. Одиозной и вместе с тем весьма показательной личностью предстает Владимир Печерин (1807–1885). Будучи молодым профессором Московского университета, он сочинил знаменитые строки, ставшие со временем квинтэссенцией манифестации протестных настроений в эмигрантской интеллектуальной среде: «Как сладостно отчизну ненавидеть / И жадно ждать ее уничтоженья! / И в разрушении отчизны видеть / Всемирную десницу провиденья!» В 1836 г. он выехал в отпуск в Европу и навсегда остался за границей. В Бельгии он принял католичество, а вскоре и монашество; позднее из монашества он вышел и последние 23 года своей длинной жизни служил капелланом в одной из дублинских больниц.

Причудливые эволюции духовного мира Печерина могут служить своеобразным эскизом одного из направлений идейных исканий Русского зарубежья. Его обращение в католичество было продиктовано во многом чисто политическими и социальными причинами: «Никакой католический священник не сказал мне ни слова и не имел на меня ни малейшего влияния! – признавался Печерин. – Мое обращение началось очень рано: от первых лучей разума, на родной почве, на Руси, в глуши, в русской армии. Зрелище неправосудия и ужасной бессовестности во всех отраслях русского быта – вот первая проповедь, которая сильно на меня подействовала... Католическая вера явилась гораздо позже. Она была лишь необходимое заключение долгого логического процесса, или, лучше сказать, она была для меня последним убежищем». Оказавшись на Западе, Печерин, однако, вскоре осознал, насколько чужд ему прогрессистский, сциентистский, либеральный дух европейской цивилизации, разочаровавший и позднее часть русских изгнанников. В 1853 г. в письме А.И. Герцену, которое тот приводит в своих мемуарах «Былое и думы», патер Печерин пишет слова, под которыми могли бы подписаться многие представители последующих поколений русских эмигрантов: «Во времена гонений римских императоров христиане имели по крайней мере возможность бегства в степи Египта; меч тиранов останавливался у этого непереходимого для них предела. А куда бежать от тиранства вашей материальной цивилизации? Она сглаживает горы, вырывает каналы, прокладывает железные дороги; посылает пароходы, журналы ее проникают до каленых пустынь Африки, до непрохо-

димых лесов Америки. Как некогда христиан влекли на амфитеатры, чтоб их отдать на посмеяние толпы, жадной до зрелищ, так повлекут теперь нас, людей молчания и молитвы, на публичные торжища и там спросят: “Зачем вы бежите от нашего общества? Вы должны участвовать в нашей материальной жизни, в нашей торговле, в нашей удивительной индустрии... Идите председательствовать на наших пирах, рай здесь на земле – будем есть и пить, ведь мы завтра умрем”. Вот что меня приводит в ужас, ибо где же найти убежище от тиранства материи, которая больше и больше овладевает всем»¹.

В беседах с А.И. Герценом Печерин не без ожесточения говорил, что Россия никогда не увидит его среди своих подданных. Но под конец жизни, очевидно, снедаемый ностальгией, дублинский патер высказывал желание оставить по себе хоть какую-нибудь память на родной земле. Свой архив он завещал Московскому университету...

Принципиальная нерасчленимость духовного и интеллектуального дискурса, драматическое переживание этого познавательного единства в освоении и трактовке мира и его реалий были неотъемлемой чертой отечественной культурной традиции Нового и Новейшего времени. Не удивительно, что духовный поиск в направлении, обозначенном Голицыным, Волконской, Печериным, был не чужд и многим представителям послереволюционной эмиграции, лишь осложнившись драматизмом переживаний в условиях зарубежья. Одной из наиболее ярких фигур русского католицизма XX в. является поэт, филолог, культуролог Вячеслав Иванов (1866–1949). В 1926 г. в Соборе Святого Петра в Риме он принял католическое исповедание по специальному чину – формально не отрекаясь от православия. После своего обращения в католицизм Иванов признавался, что «впервые почувствовал себя православным в полном смысле этого слова».

1.3. Идеино-политические основания развития Русского зарубежья. Духовный контекст, революционная традиция, пути новой самоидентификации

Так что же привлекало русских «отъезжантов» и «диссидентов», начиная с эпохи Курбского до наиболее интеллектуальной, первой постреволюционной волны россиян, в католицизме? Некий общий

¹ Из переписки В.С. Печерина с Герценом и Огаревым // публ. А.А. Сабурова. Режим доступа: <http://old.old.imli.ru/litnasledstvo/Tom%2062.pdf/> (Дата обращения: 3.12.2017).

алгоритм «протестности», упакованный в религиозную (псевдоквазирелигиозную?) форму? Возможно, нехватка интеллектуальной рефлексии внутри православной традиции? Критическое отношение к огосударствлению православной Церкви после Петра? Жажда поверить разумом веру, а интеллектом чувство? Или иное что-то?

Думается, что русских интеллектуалов привлекало в католицизме все перечисленное, но главным было другое. Заметим, что к Римской Церкви обращались не просто интеллектуалы, но *аристократы*. Среди русских фило-, крипто- и явных католиков практически не найти интеллигента-разночинца революционно-демократической (в духе Белинского), народнической или, тем более, социалистической ориентации. Все это – представители знати: Волконские, Гагарины, Толстые (Николай Толстой, сын гофмаршала – православный священник, перешедший в католичество). Некоторое исключение составляет Печерин, выходец из университетско-профессорской среды. И все русские католики были люди западного воспитания: после Петра I высшее дворянство воспитывалось на европейский манер; чем родовитее была семья, тем бескомпромисснее было следование этим образовательным стандартам. Потому с таким восторгом отдавали своих отпрысков в иезуитские пансионы в Санкт-Петербурге Нарышкины, Вяземские, Строгановы, Орловы, Меншиковы и другие: ведь иезуиты считались мастерами именно по части системного обучения юношества, основанного на строгих философских формально-логических категориях. Конечно, стиль мышления, усвоенный во время учебы, не мог не влиять на жизненный выбор. Но к перемене конфессии приходили только те, кто в принципе серьезно относился к вере, а таких было меньшинство...

Искали же они *правильной* веры, *правильной* не в народном понимании (т. е. «истинной», «исконной»), а в том формате, который предопределял их европейский, по сути, бэкграунд. Как и Петр Чаадаев, они были пленены институциональной и архитектурной эстетикой Римской Церкви. Следовательно русские филокатолики искали религии:

– *системной* (в католицизме – четкая теологическая схема томизма, взращенная средневековой схоластикой, отсутствие языкового барьера с латинскими отцами Церкви; православие же ориентировалось на греко-восточную патристику, более мистичную, но менее систематизированную);

– *иерархически четкой, грамотно институционализированной* (ясное и однозначное учение о приоритете папы как главы Церкви против сложной идеи полноты-«плеромы» равноправных автокефальных Церквей и невнятного учения о Священном Синоде);

– *канонически безупречной* (западное образование взращивало западное же, т. е. чисто юридическое, понимание канона);

– *политически независимой* (многим импонировала самостоятельность папского престола в государственных и общественных делах, здесь, конечно, сказался русский идеализм: полной свободы папы XIX столетия не обладали);

– *универсальной, всеобъемлющей, но при этом основанной на разумных началах* (любимый русскими спорт – поиск универсального учения, идеи, миссии, доктрины и т. п.: католицизм, конечно, этому соответствовал);

– *исторически укорененной, «основательной»* (до второй половины XIX в. среди русских интеллектуалов было повсеместно распространено представление о России как не до конца оформившемся наследнике Византии, в которой видели хрестоматийный образ «упадка». Через распространение католицизма многие хотели возвращения к некоему «всеобщему» порядку, восстановления связи времен, воссоединения с всемирно-историческим – читай «европейским» – путем развития цивилизации).

Впрочем, Михаил Волконский в своей статье 1936 г., посвященной причинам тяготения русских интеллектуалов зарубежья к католицизму, отмечал еще одну причину этого явления: «Церковь официальная, с представителями которой культурному человеку легче сойтись и столкнуться – находилась в состоянии временного омертвения и пребывала в прискорбном рабстве у государства. Отсутствие высококультурных людей в рядах духовенства и вообще его несколько униженное положение в обществе лишало часть русской аристократии, не понявшей духа православия, религиозно-интеллектуальной среды. И ей приходилось искать его вне России... Встреча с высококультурными прелатами, преклонение перед их умом и перед стройным зданием, возведенным Римом, все это не могло не импонировать людям, оторванным от русского народа и воспитанным и взросшим на европейской культуре. (По меткому выражению О. Миллера, “крестившихся в западную цивилизацию”).... Ведь гораздо легче быть хорошим католиком, чем хорошим православным во всеобъемлющем значении этого слова. Путь индивидуального спасения и легче, и опрятнее. Вот почему я не считаю, что тяготение это было делом веры. Это была скорее всего духовная приспособляемость»¹.

¹ Волконский М. О тайных причинах тяготения русской аристократии к католицизму // Путь. 1936. № 34. С. 52–56.

Для нас это очень интересный и показательный текст, во-первых, потому что это рефлексия эмигранта, во-вторых, потому что автор – член рода, представительницы которого были видными участниками католического движения.

И все же яркие религиозные трансформации были экзотической (хотя и объяснимой с позиций исторической психологии и политической культуры) редкостью среди зарубежных русских. До революции по идейным соображениям Россию покидали в основном носители либеральных, республиканских, позднее – социалистических взглядов (особый случай представляли старообрядцы и «сектанты» – последователи различных нетрадиционных направлений христианства).

В истории русской и международной общественно-политической мысли хорошо известно имя писателя и публициста Александра Герцена (1812–1870) фигуры особой, харизматически значимой в отечественной интеллектуальной традиции, во многом мыслившей «поверх барьеров» узкой политической ориентации и исторической «кружковщины» своего времени. (Неслучайно эту личность считали «своей» представители самых разных направлений внутри российской либертарной традиции.) К тому же в летописях Русского зарубежья Герцен, вместе с его сподвижником Николаем Огаревым (1813–1877), остались одними из первых, кто стал использовать коммуникационные и материальные ресурсы, открывающиеся перед эмигрантами на Западе, для активной пропагандистской работы, ориентированной на Россию. Основанная Герценом и Огаревым в Лондоне Вольная Русская типографии (1853–1868) позиционировалась как бесцензурная трибуна; издатели призывали присылать в редакцию «все, писанное в духе свободы». Лондонские альманахи «Полярная звезда» и газета «Колокол» дали первый опыт активного влияния зарубежных политических изданий на настроения в русском образованном обществе. Но одновременно деятельность Герцена и Огарева открыла и западному обществу пространство идейных исканий русской мысли, во всем ее своеобразии и оригинальности. Со временем процесс этот лишь нарастал, усложняя настрой европейской мысли соприкосновением с «русскими вопросами». Ведь среди русских революционеров-эмигрантов XIX – начала XX в. оказались не просто политические изгнанники, но активные участники, создатели, практики мировых идейно-политических направлений – теоретики анархизма Михаил Бакунин (1814–1876) и Петр Кропоткин (1842–1921); большие группы социалистов-революционеров и влиятельных социал-демократов (вождь большевиков Владимир Ульянов-Ленин провел в эмиграции в общей сложности около полутора десятилетий).

Особые страницы истории русской дореволюционной эмиграции связаны с людьми, которые покидали родину во многом по идейно-политическим причинам, но прославились они на поприще не революционной, а научной деятельности. В их числе выдающийся математик, профессор Стокгольмского университета Софья Ковалевская (1850–1891), замечательный ботаник, исследователь флоры Южной Америки Николай Альбов (1866–1897), географ, геолог, путешественник Петр Чихачев (1808–1890) и многие другие.

О по-настоящему массовой волне русской эмиграции можно говорить применительно ко времени Великой российской революции и Гражданской войны в России (1917–1922). По разным оценкам, в этот период родину были вынуждены покинуть от 1,5 до 3 млн человек. По данным американского Красного Креста, к началу осени 1920 г., т. е. еще до эвакуации белого Крыма, в мире насчитывался 1 млн 965 тыс. русских беженцев; чуть меньшую цифру (1,5 млн) называл российский Красный Крест. По сведениям «Русского литературного общества в Дамаске», предпринявшего в 1923 г. попытку подсчета общего числа эмигрантов, их к этому времени в разных странах было уже свыше 2 млн человек. Цифры, близкие к 2 млн, неоднократно фигурировали в 1920-е гг. в документах Лиги Наций и на страницах эмигрантских газет. Российский исследователь В.В. Костиков в своей книге «Не будем проклинать изгнание...» (1990) приводит колоссальную цифру – 10 млн человек. Правда, он оговаривается, что включает сюда коренное население тех русских территорий, которые после Гражданской войны оказались за пределами Советской России и СССР (в первую очередь, это некоторые районы Финляндии, Эстонии и Латвии)¹. Из общего числа эмигрантов основную массу (оценочно 95,5 %) составляли русские (на втором месте по численности стояли евреи).

«Зарубежная Россия была вполне реальным русским сообществом по своему внутреннему значению и по видимым действиям»², – отмечает исследователь эмигрантской волны этой эпохи. Не удивительно, что именно эта мощная, хотя и неоднородная волна так называемой белой эмиграции создала глубоко самобытную и своеобразную культуру Русского зарубежья, оказавшую сильнейшее влияние на интеллектуальные процессы, в значительной степени сформировавшие культурное и идейное многообразие современной мировой цивили-

¹ Свод данных приводится в: Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. 1917–1939. Ярославль, 2006. С. 6–7.

² Струве Н.А. Изгнание и послание. Режим доступа: <http://abzubov.com/page/1030626.html> (Дата обращения: 5.1.2019).

зации. При этом нельзя не увидеть, что Зарубежный Русский мир имел целый ряд особенностей – антропологических, морально-психологических, духовных, социальных, социокультурных и прочих...

1.4. Научно-творческие ресурсы Русского зарубежья: кадрово-образовательный потенциал, география, организационные структуры

В ходе Великой революции и Гражданской войны родину покидали преимущественно люди трудоспособного возраста, творчески и интеллектуально активные. В культуре (в частности, в литературе) 1920–1930-х гг. нашел яркое отражение такой факт: пожилые и престарелые представители прежних «эксплуататорских классов», даже «затаившиеся враги Советской власти» предпочитали доживать в СССР на скромных должностях «научных работников», «совслужащих», чем пускаться в плавание по волнам непредсказуемой эмигрантской жизни. Согласно историко-демографическим данным, 85,5 % бывших подданных Российской империи, оказавшихся в эмиграции, составляли люди в возрасте от 17 до 55 лет. Демографические обследования, проводившиеся в начальный период истории «белого» Зарубежья в очень значимых для его становления странах – Югославии и Болгарии – показали также, что около 70 % эмигрантов составляли мужчины в наиболее активном возрасте – 18–45 лет¹.

Уровень образованности беженцев оценивается по-разному. По сведениям исследователя М. Раева, две трети взрослых эмигрантов имели среднее образование и каждый седьмой – университетский диплом². С этим согласуются данные обследования, проведенного в болгарской Варне – одной из «перевалочных баз» русских беженцев: почти 60 % изгнанников принадлежали к категории лиц интеллигентных профессий. Если суммировать различные оценки, можно заключить, что доля эмигрантов, имевших образование выше начального, превышала 50 % (таким образом, удельный вес образованных в эмигрантской среде был существенно выше, чем в прежней Российской империи).

Образовательный состав беженцев в разных странах различался. Наиболее образованная часть оседала в Чехословакии, Германии,

¹ Комин В.В. Крах российской контрреволюции за рубежом. Калинин, 1977. С. 18.

² Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994. С. 39.

Франции. Среди тех, кто обосновался в двух последних странах, свыше 77 % успели получить высшее, а свыше 21 % домашнее образование, и лишь немногим более 1 % были совершенно неграмотны. Показателен и такой факт: почти четверть живших во Франции и Германии русских свободно владели двумя языками, более 5 % тремя.

Хорошо известно, что большевистское правительство после окончания активной фазы военных действий на фронтах Гражданской войны проводило массовые высылки за границу неугодных и потенциально опасных интеллектуалов. В сентябре 1922 – январе 1923 г. сотни ученых и деятелей культуры были высланы из Советской России и Советской Украины как «наиболее активные контрреволюционные элементы». Символом небывалого прежде по массовости и организованности гонения на деятелей науки и литературы стали «философские пароходы», отплывшие 29 сентября и 16 ноября 1922 г. из Петрограда в германский Штеттин... Изгнанники составили подлинную интеллектуальную элиту эмиграции.

Для абсолютного большинства эмигрантов «первой волны» решение покинуть родину было вынужденным и спонтанным, зачастую связанным с перипетиями вооруженной борьбы белых и красных. Уезжали не после трезвых размышлений, а в чрезвычайной обстановке, спасая свои жизни, нередко эвакуировались с большим риском, буквально под обстрелом противника. Таковы были знаменитые исходы из Крыма в Турцию в 1920 г. и с Дальнего Востока в Китай в 1922-м (менее известные – из Порт-Петровска в иранский порт Энзели в начале 1920 г., из Архангельска в Скандинавию в тот же период, из Кронштадта в Финляндию в 1921-м). Оказавшись на чужбине, многие россияне предпочитали называть себя не эмигрантами, а «беженцами», что было, безусловно, точнее. Обустроиваясь на новом месте жительства, значительная часть «белоэмигрантов» поначалу воспринимала свой беженский статус как временный и продолжала жить надеждами на возвращение на родину...

Безусловно, данное обстоятельство в своей мотивационной основе оказало значительное влияние на формирование духовно-интеллектуального и культурно-психологического климата зарубежья. Эмигранты стремились сохранить культурно-языковую среду в расчете на то, что скоро смогут вновь перенести ее на родную почву. Обращает на себя внимание то, что для детей стремились обеспечить любыми путями возможность получения именно русского образования – для многих беженских семей такая стратегия оказывалась предпочтительней, нежели интеграция молодого поколения в социально-образовательное пространство стран пребывания. Во многом этим объясняется расцвет особого культурно-образовательного яв-

ления – русских эмигрантских учебных заведений, от воскресных школ и кадетских корпусов до факультетов и полноценных вузов, в 1920-е – начале 1930-х гг.

В этот период на разных континентах массово возникали русские очаги просвещения. С 1921 по 1930 г. было проведено пять съездов различных академических организаций, где тон задавали бывшие профессора и доценты российских университетов. Исторически первыми начали организовываться начальные и средние школы в Стамбуле-Константинополе, ставшем своеобразным перевалочным лагерем для эмигрантов, направлявшихся с юга России на Балканы и в Западную Европу. Уже в 1921 г. здесь действовали три гимназии, три прогимназии, десять начальных школ, десять детских садов и два детских дома – все эти заведения были созданы по инициативе Земско-городского союза. Параллельно с Земгором учебные заведения основывали и частные лица – так возникли гимназия В. Нератовой, начальная школа баронессы Врангель. Уже в 1922 г. русские учебные заведения из Турции начинают переводиться в Болгарию и Королевство сербов, хорватов и словенцев.

Объединившее югославянские народы королевство выделяло немалые средства на помощь русским школам. Сюда с юга России были эвакуированы три кадетских корпуса и два института, которые поступили на полное содержание правительства; кроме того, в стране действовали восемь средних учебных заведений, в которых обучалось свыше 2 тыс. учащихся. Земгор со своей стороны субсидировал пополам с Державной комиссией детские дома в Белграде и пяти провинциальных городах страны, в которых дети эмигрантов проходили курс первых классов гимназии, а также школьные группы в других населенных пунктах. Правительство страны предоставляло русским учебным заведениям одинаковые права со своими школами.

Важно отметить то обстоятельство, что основной моделью получения русскими высшего образования в Королевстве СХС была интеграция эмигрантов в национальное образовательное пространство. Этому в значительной степени способствовало практическое отсутствие языкового барьера между беженцами и местными жителями. В 1920-е гг. в Белградском университете обучались 625 русских студентов, в Загребском университете – 285, Люблянском – 137; десятки молодых россиян обучались в других вузах югославянского королевства. Власти выделяли русскому юношеству образовательные субсидии, помогали с обеспечением жильем. В 1920 г. при поддержке правительств Франции и КСХС основывается Политехнический институт, имевший русское, польское, югославянское и заочное отделения.

Особым явлением высоко интеллектуального порядка на Балканах, в Королевстве Югославия стало русское гуманитарное академическое сообщество, получившее название «белградского круга», организационно связанного в том числе и с Русским научным институтом. Как отмечает в своем исследовании Е.А. Бондарева, «профессора, деканы факультетов: Е.В. Спекторский, А.Л. Погодин, Ф.В. Тарановский, и более молодые: В. Мошин, А.В. Соловьев, Г. Острогорский... все эти русские ученые составляют ядро белградского круга, создавшего самостоятельное научное направление в русской историографии XX века... Все русские историки-эмигранты блестяще владели языками и были частью общеевропейского исторического профессионального мира, опирались в своих исследованиях на материалы европейских книжных и документальных собраний»¹.

Ввод в научный оборот целых пластов исторических источников, блестящее – благодаря уникальной эрудиции – владение сравнительно-исторической методологией, широта научной рефлексии и новизна проблематики, оригинальность концепций как отечественной, так и мировой истории, обогащение исторической науки новыми дисциплинами, преемственность и развитие «русской исторической научной школы» начала XX в. – все эти аспекты интеллектуального присутствия отечественных историков-эмигрантов в Европе в целом и на Балканах в частности составили их неоценимый вклад в «мировую научную повестку дня». Безусловно, и общий контекст, вернее, сам дух отношения к этим представителям «исторической России» (особенно в Сербии и Черногории), традиционной защитницы славянских интересов, а также личная позиция председателя Совета министров Королевства сербов, хорватов и словенцев Николы Пашича в отношении эмигрантов из России благоприятствовали творчеству русских историков².

Король Александр Карагеоргиевич, известный своими русофильскими настроениями, оказывал большое личное содействие поддержке русского просвещения. После гибели югославского монарха от рук убийцы в 1934 г. Николай Рерих, выражая чувства всего Русского зарубежья, писал в некрологе «Светлой памяти короля Александра»: «Не только для своего народа он будет самым светлым, незатемненным воспоминанием. И в былинах, и в звучных песнях сохранится память о Герое-Рыцаре. Не менее нестираемо будет жить имя Короля Александра и в сердцах русских».

¹ Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья / авт.-сост. Е.А. Бондарева. М.: Вече, 2012. С. 5.

² Там же. С. 6, 9–13.

Участие в создании новых культурных институтов, введение страны и общества, потрясенных войной, в мировой культурный, интеллектуальный, научный контекст, помощь в формировании нового поколения национальной интеллигенции стали непосредственным вкладом русских эмигрантов в будущность Югославии¹.

Активное содействие образовательным стремлениям русской эмиграции оказывало правительство Чехословакии. Летом 1922 г. группа русских профессоров при поддержке значительной части эмиграции поставила перед общественностью и правительством Чехословакии вопрос о необходимости помочь русскому студенчеству, разбросанному по всему свету. Обращение получило необходимый отклик. Правительство молодой республики выделило средства на содержание студентов, осевших в стране; начался прием русских студентов из других государств. К весне 1922 г. почти 1700 студентов-беженцев стали стипендиатами правительства Чехословакии. Они расселялись в нескольких общежитиях и даже на частных квартирах, оплачиваемых властью, получали одежду, питание, денежное пособие. До образования русских вузов они распределялись по высшим школам Праги, Брно, Братиславы и других городов.

С начала 1920-х гг. здесь по инициативе президента республики Т. Масарика, премьер-министра К. Крамаржа и министра иностранных дел Э. Бенеша реализовывалась программа социальной и культурной поддержки эмигрантов, известная как Русская акция помощи; важной составляющей ее была «академическая акция». Высокий интеллектуальный уровень чехословацкой политико-государственной элиты начала эпохи Первой республики создавал благоприятную атмосферу «культурной взаимности» в отношениях с русской эмиграцией. Личность же самого Томаша Масарика, его популярность как авторитетного, просвещенного, демократически ориентированного лидера, вдохновленного идеями свободной, единой Европы, играла немалую роль в распространении российского интеллектуального присутствия в 1920-х гг. в «сердце Европы» – Чехословакии.

Подобный эффект от сочетания благоприятных обстоятельств был вполне объясним и многопланов. По замечанию Петра Щедровицкого, сыграли роль «определенная доля прагматизма новой власти, возможность использовать потенциал русского культурного сообщества и высокая концентрация этих интеллектуалов. Концен-

¹ Подробнее об этом см.: Сибинович М. Значение русской эмиграции в сербской культуре XX века. Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; Тисемников В.А., Косик В.И. Русский Белград. М., 2008; Русские в Сербии: Сб. статей. Белград, 2009.

трация интеллектуального потенциала в одной точке очень важна, она всегда дает дополнительный синергетический эффект. Одаренные, образованные люди удачно дополняют друг друга. Задумайтесь, за несколько лет они создали массу организаций и институций. Принимали активное участие не только в текущей жизни, но некоторые вещи просто создавали заново: и в театре, и в археологии, в науке, в философии»¹.

В начале 1920-х гг. в стране действовали русские ясли (для детей от шести недель!) и детский сад, две русские гимназии (в Праге и Моравской Тржебове), а также ряд высших учебных заведений (Русский юридический факультет, Русский педагогический институт им. Я.А. Коменского, Русский институт сельскохозяйственной кооперации, Русский институт коммерческих знаний, Русский народный университет, Высшее училище техников путей сообщения и др.). Высшим образованием дело не заканчивалось. Русские высшие школы оставляли при факультетах лучших выпускников для подготовки научных работ и получения академических званий.

В 1920–1930-е гг. в Чехословацкой Республике высшее образование получили до 3,5 тыс. молодых русских беженцев. Учащейся эмигрантской молодежи здесь, в центре Европы, была присуща высокая степень социальной активности и самоорганизации. С целью защиты академических, правовых, культурно-национальных и материальных интересов русских студентов-эмигрантов в октябре 1921 г. было образовано Объединение русских эмигрантских студенческих организаций (ОРЭСО), которое стало учредителем и издателем ряда периодических изданий. С 1921 г. выходил журнал «Студент», после его закрытия стал издаваться журнал «Студенческие годы», в 1926 г. его сменил журнал «Годы».

Само перечисление (далеко не полное) имен российских интеллектуалов, прошедших через Прагу и оставивших здесь свой след, не может не впечатлить: Павел Новгородцев, Михаил Новиков, Сергей Булгаков, Александр Кизеветтер, Никадим Кондаков (крупный археолог и историк искусства), Сергей Прокопович, Петр Струве, Дмитрий Чижевский, Георгий Вернадский, Георгий Флоровский, Роман Якобсон (ученик Густава Шпета), создавший в 1926 г. Пражский лингвистический кружок, один из мировых лидеров исследовательских центров, оказавший большое влияние на всю европейскую семиотику.

¹ Щедровицкий П. Русская Прага // Русский журнал. Архив. Режим доступа: <http://www.russ.ru/pole/Russkaya-Praga> (Дата обращения: 28.11.2018).

В результате русско-чехословацкого сотрудничества в середине 1920-х гг. Прагу стали называть «русскими Афинами» и «русским Оксфордом»!

В 1930-е гг. начался кризис русских эмигрантских учебных заведений в Чехословакии, переросший в их распад. Один из апологетов сохранения российских академических традиций, крупный биолог профессор Михаил Новиков (1876–1965), последний свободно избранный ректор Московского университета (занимал этот пост в 1919–1920 гг.), высланный за границу в 1922 г. с большой группой ученых и мыслителей и в 1923–1939 гг. возглавлявший Русский Народный университет в Праге, вспоминал: «Вначале никто не мог предполагать, что русская эмиграция затянется на большое количество лет... По мере того, как стало выясняться, что русская эмиграция может задержаться на неопределенно долгое время, а в особенности после установления дипломатических отношений Чехословакии с Советской Россией, симпатии чехов к беженцам начали таять и кредиты на них ассигноваться все с большими и большими затруднениями... В то же время в эмигрантской массе происходили серьезные психологические сдвиги. Жажда к учению, которая после долгих лет войны и Белого движения так ярко проявилась у изголодавшейся по духовной пище молодежи, начала постепенно падать и заменяться лишь стремлением получить диплом»¹.

Учебные заведения, составлявшие славу «русского Оксфорда», постепенно закрывали. В числе немногих эмигрантских организаций, продолжавших свою деятельность в изменившихся и становившихся все более неблагоприятными условиях, оставался Русский народный университет в Праге (он был закрыт только в 1945 г. с приходом советских войск).

Не во всех странах, где имелись крупные русские общины, были созданы такие благоприятные условия для развития русского образования, как в Югославии и Чехословакии. Сложной была ситуация в Польше, где, с одной стороны, многие деятели польской культуры и науки имели тесные связи с русской интеллектуальной средой культурно-географического «пограничья» и высоко ценили художественное и идейное значение русской литературной традиции, а с другой – груз исторической памяти отягощал восприятие поляками стремления русских белоэмигрантов возродить «величие России». При этом уже в январе 1919 г. в Польше был создан Русский поли-

¹ Новиков М.М. Русская научная организация и работа русских естествоиспытателей за границей. Прага: Русский свободный университет, 1935. С. 39.

тический комитет для объединения русских эмигрантов, которому, впрочем, не разрешалось заниматься непосредственно политикой. Комитет осуществлял правовую защиту эмигрантов, организацию их религиозной и культурной жизни, был тесно связан с православной церковью и русскими учебными заведениями.

Со временем здесь были созданы информационно-справочное бюро при Русском комитете в Варшаве, Союз русских студентов, Объединение русской молодежи, Союз русских писателей и журналистов, Русская академическая группа, Общество русских юристов, Русское телеграфное агентство. В городах Польши насчитывалось около 170 русских библиотек, во Львове было создано общество «Русская школа», нацеленное на поддержку образования русских детей. В итоге уже к 1924 г. в Польше существовало 15 средних и 6 начальных русских школ.

Варшаву также можно смело назвать одним из центров русской культуры, в особенности литературы: здесь смогли продолжить свою творческую деятельность М.П. Арцыбашев, А.А. Кондратьев, Л.Н. Гомолицкий, Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, Б.В. Савинков и другие писатели, чьи имена вошли в историю европейской культуры и литературы.

В разоренной Первой мировой войной и униженной Версалем Германии действовали русские гимназии и интернаты, прогимназия и школа садоводства. Несколько гимназий, пансионатов, школ-интернатов открылись в Бельгии и Франции. При некоторых французских учебных заведениях в Париже, Версале, Ницце до начала Второй мировой войны действовали русские отделения. Кроме того, во Франции существовала широкая сеть воскресно-четверговых школ при приходах или русских колониях, действующих на скромные местные сборы и частные пожертвования. История показала, что этот опыт станет наиболее перспективным в деле образовательной самоорганизации общин Русского зарубежья.

В Париже между двумя мировыми войнами существовали и эмигрантские вузы – русское отделение при Сорбонне, социально-политический Франко-русский институт, Русская консерватория и др. Русский высший технический институт, основанный американской христианской ассоциацией YMCA, проработал в Париже с 1921 по 1962 г. Одним из крупнейших интеллектуальных центров русской философско-богословской мысли в эмиграции стал открывшийся в 1925 г. на Сергиевском подворье Православный богословский институт, продолживший традиции русской теологии, переживавшей на рубеже XIX–XX вв. интереснейший этап своего развития.